

Не найдя для себя места в гостевой комнате, Бай Линшэн в конце концов вернулся в спальню Тан Чжаонина. Тан Чжаонин стоял у стола у стены, зажигая благовония. На столе стояла небольшая ажурная курильница, из которой поднимался легкий аромат. Увидев вопросительный взгляд Бай Линшэна, он объяснил:

— Это специальный аромат, который врач приготовил для меня. У меня не очень крепкое здоровье, и я плохо сплю по ночам.

— Этот аромат довольно приятный, и не слишком насыщенный, — Бай Линшэн подошел ближе, чтобы вдохнуть его.

— Тебе нравится?

— Да, неплохо.

— Благовония лежат в ящике, в следующий раз можешь сам зажечь.

Бай Линшэн заметил, что разговаривать с ним так спокойно было довольно приятно. Казалось, это уже не так трудно принять. Его шаги стали легче, и после нескольких слов он отправился в ванную.

Однако, несмотря на его вид покорности судьбе, в голове у него всю строились планы. Тан Чжаонин говорил, что плохо спит по ночам? Что ж, Бай Линшэн решил, что сегодня он спит на диване.

Выйдя из ванной и вытирая волосы, он спросил как будто невзначай:

— Эй, у тебя есть лишнее одеяло?

— Есть одно, но Дядя Лу его постирал.

«Ох, какой жестокий Дядя Лу».

Тан Чжаонин не мог не заметить его хитрость:

— Боишься, что я тебя съем?

— С твоим-то хрупким видом, я боюсь, что сам тебя съем, — Бай Линшэн приподнял бровь, скрестил руки на груди и прислонился к столбику кровати, глядя на него.

Тан Чжаонин, с расстегнутым воротом, небрежно оперся на изголовье кровати, но его взгляд беззастенчиво скользил по телу Бай Линшэна:

— Тогда попробуй.

— Думаешь, я не осмелюсь? — Азарт Бай Линшэна был возбужден. Он шагнул вперед, наклонился и с легкой дерзостью поднял подбородок Тан Чжаонина. — Только не жалея потом.

Эти слова звучали просто великолепно.

Бай Линшэн медленно наклонился, встал на колени на кровати и, полностью раскрыв свою харизму, прижал Тан Чжаонина к постели. Однако, хотя Тан Чжаонин не сопротивлялся, его присутствие казалось совершенно непоколебимым. Бай Линшэн начал настаивать, медленно приближаясь все ближе и ближе, пока их губы почти не соприкоснулись.

«Почему он не уклоняется?!»

Внутри Бай Линшэна началась паника, но отступить было уже поздно. Взгляд Тан Чжаонина внезапно стал пронзительным, и опасный блеск в его глазах заставил Бай Линшэна почувствовать холод в спине.

— Мм!

Роли охотника и жертвы мгновенно поменялись местами. Бай Линшэн был схвачен за шею Тан Чжаонином, и тот тут же поцеловал его.

«Умереть, зачем ты это сделал».

Бай Линшэн одной рукой оперся на подушку, пытаясь вырваться из-под контроля Тан Чжаонина. Его подбородок был захвачен, а слегка приоткрытые губы позволили другому беспрепятственно войти.

Поцелуй Тан Чжаонина был таким же властным, как и он сам. Бай Линшэн никогда не сталкивался с подобным: его зубы были насильно разомкнуты, язык скользнул по губам, их носы время от времени соприкасались, и между их губами и зубами текло тонкое трепетное чувство.

«Но он же актив! Когда он был с Пэй Янем, разве не он всегда занимал ведущую позицию?»

«Ох, нет, он все еще был сверху».

Сила Бай Линшэна уступала силе Тан Чжаонина, и, понимая, что сопротивляться бесполезно, он просто расслабился, смягчился и покорился мастерству поцелуя Тан Чжаонина.

Температура их тел постепенно росла. Оба были одеты только в тонкие шелковые пижамы, и казалось, что их кожа почти касалась друг друга, но тонкая преграда между ними наполняла воздух эротическим ароматом.

Тан Чжаонин смотрел на Бай Линшэна с покрасневшими щеками и опущенными веками, слушал его сдержанный стон, и его глаза потемнели. Он провел рукой по его мягкой талии, его губы скользнули по шее, и он перевернул его, готовясь прижать к постели.

Но именно в этот момент, когда они перевернулись, в глазах Бай Линшэна мелькнул луч торжества заговора. Его длинная нога согнулась, и внезапно проявившаяся сила позволила ему вырваться из ослабленных объятий Тан Чжаонина. Заодно он порвал пижаму на Тан Чжаонине.

Он оперся одной рукой на одеяло, тяжело дыша, и смущенно вытер уголок рта. Его губы все еще горели, как будто они опухли.

Тан Чжаонин посмотрел вниз на свою порванную пижаму, обнажившую большую часть его бледной кожи, которая теперь ощущала прохладу воздуха, резко контрастируя с предыдущим жаром. Он улыбнулся, прищурился узкими глазами феникса, и пристально посмотрел на Бай Линшэна.

Бай Линшэн внутренне сжался, поспешно отодвинулся и опустил брови, показывая жалобное выражение:

— Мы еще не поженились, ты же не будешь несправедлив, правда?

— Разве ты не признался мне вчера в любви, не помнишь?

— Вчера было вчера, прошлое ушло, его не вернуть, — Бай Линшэн покачал головой.

— Ты правда не хочешь попробовать?

Дыхание Бай Линшэна постепенно выровнялось. Он сел, поправил слегка расстегнутый ворот и улыбнулся с изяществом и дерзостью:

— Такие вещи нельзя делать опрометчиво. Подождем подходящего дня, после того как окуримся благовониями и искупаемся, тогда и продолжим.

Тан Чжаонин смотрел на него, как будто видел большого кота, грациозно лежащего на мягкой подушке и облизывающего лапы, приводя в порядок свою гладкую шерсть.

Ладно, сегодня он и не планировал что-то делать с ним, постепенность — это тоже неплохо.

С этими мыслями Тан Чжаонин действительно больше не приближался. Он спустил ноги с кровати, небрежно снял пижаму и открыл шкаф, чтобы взять новую. Бай Линшэн хотел было назвать его похабником за то, что он так запросто обнажился, но когда его взгляд упал на намек на линию пресса, он промолчал.

Хотя здоровье Тан Чжаонина было не самым крепким, у него все же были мышцы, и они были подтянутыми. Когда он надевал одежду, его лопатки слегка выпирали, что неожиданно выглядело сексуально.

Бай Линшэн поспешно потер лицо, чтобы взять себя в руки!

Тан Чжаонин переоделся, завязал пояс и, будто почувствовав что-то, обернулся. Он увидел Бай Линшэна, который с серьезным видом причесывал свои растрепанные волосы, а затем залез под одеяло, оставив на виду только полголовы.

Хе-хе.

Есть желание, но нет смелости.

Но господин Тан совсем не возражал.

Таким образом, они провели всю ночь мирно. На следующее утро Тан Чжаонин все еще прижимал Бай Линшэна, зарывшись лицом в его шею, и не хотел вставать.

Бай Линшэн не выдержал и спросил его:

— С такими большими делами в корпорации Тан, как ты можешь так валяться в постели?

Тан Чжаонин ответил:

— Пусть она рухнет.

Уметь спать до полудня с ощущением «с сей поры император на утренний прием не встает» — это было что-то. Бай Линшэн был в шоке.

Таким образом, он снова был вынужден оставаться в постели до девяти утра, прежде чем смог встать. После завтрака внизу он увидел Сестру Чжу, которая несла корзину с одеждой и

смотрела на него с странным выражением.

Бай Линшэн на мгновение замер, а затем вспомнил о порванной одежде и широко открыл рот.

Их взгляды встретились, и сорокалетняя Сестра Чжу смущенно отвернулась.

Бай Линшэн чуть не заплакал от досады. Почему? Ведь он и Тан Чжаонин ничего не делали, не надо придумывать какие-то странные вещи...

К сожалению, Сестра Чжу не услышала его внутренний крик и быстро убежала. Затем появился опоздавший Тан Чжаонин и сел напротив Бай Линшэна. Сегодня он был одет более небрежно, на плечах у него было что-то вроде накидки, белого цвета, что делало его похожим на отшельника из горных лесов.

Бай Линшэн выпил глоток молока, выпрямил спину, взял серебряные вилку и нож, отрезал кусочек хлеба, намазал его джемом и положил в рот. Весь процесс выглядел элегантно и холодно, именно так, как он и хотел.

Тан Чжаонин совершенно не понимал, что он снова задумал:

— Что случилось?

— Ничего, — Бай Линшэн покрутил ножом в джеме и вдруг сказал. — Я слышал, что Ли Цзянь попал в больницу.

— Угу.

— Что значит «угу»?

Тан Чжаонин, видя его большие невинные глаза, полные любопытства, объяснил:

— Я позвонил его отцу, и он отправил его в больницу.

Бай Линшэн замер.

— ...Что ты ему сказал, что он так жестоко поступил?

Тан Чжаонин не ответил, а неспешно вытер рот:

— Попытка увести жену — это великая обида.

Бай Линшэн мысленно разрезал его на тысячу кусочков:

— Сегодня Бай Цзинцзэ собирается навестить его в больнице, мне нужно пойти и поддержать их.

Что касается того, как Бай Линшэн узнал о планах Бай Цзинцзэ, то он просто подделал его мобильный телефон.

— Я попрошу дядю пойти с тобой.

Нет примечаний.